“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=283

2025-yil
1-son
aprel

Особенности и специфика терминологии в международном ядерном праве

Timur Ibadullayev,
Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti mustaqil izlanuvchisi
Huquqshunos
e-mail: ibadullaevt.a@gmail.com

Аннотация. Atom energetikasining rivojlanishi va tinch yo‘l bilan yadro texnologiyalarining turli sohalarda (energetika, tibbiyot, qishloq xo‘jaligi, sanoat) joriy etilishi xalqaro va milliy jihatlarni qamrab oluvchi aniq va yagona huquqiy tartibga solishga bo‘lgan ehtiyojni kuchaytirmoqda. Bunday tartibga solishning samaradorligining asosiy omillaridan biri xavfsizlik, fuqarolik javobgarligi, litsenziyalash va radioaktiv materiallarni boshqarish masalalarida yagona yondashuvni ta’minlaydigan aniq va kelishilgan terminologiyadir. Ushbu maqola xalqaro yadro huquqidagi terminologiyaning xususiyatlari va o‘ziga xosligini tahlil qilishga qaratilgan bo‘lib, unda milliy va xalqaro huquq normalari o‘rtasidagi muammolar va ziddiyatlar, shuningdek, terminologik tafovutlarning murakkabligini ko‘rsatuvchi misollar ko‘rib chiqiladi. Ishda xalqaro shartnomalar (1963 yilgi Vena konvensiyasi, 1994 yilgi Yadro xavfsizligi to‘g‘risidagi konvensiya va boshqalar), bir qator mamlakatlarning milliy qonunchiligi (AQSh, Rossiya Federatsiyasi, Fransiya) ko‘rib chiqilgan, shuningdek, huquqiy ta’riflar va tartibga solish yondashuvlaridagi mos kelmasliklar bilan bog‘liq asosiy muammoli jihatlar aniqlangan.

Калит сўзлар. Xalqaro yadro huquqi, terminologiya, ziddiyatlar, muvofiqlashtirish, Vena konvensiyasi, milliy qonunchilik, yadro xavfsizligi, yadroviy zarar, fuqarolik javobgarligi, litsenziyalash, davlat kafolatlari

Аннотация. Развитие атомной энергетики и внедрение мирных ядерных технологий в различные сферы (энергетика, медицина, сельское хозяйство, промышленность) усиливает потребность в чётком и единообразном правовом регулировании, охватывающем международные и национальные аспекты. Одним из ключевых факторов эффективности такого регулирования является точная и согласованная терминология, позволяющая унифицировать подход к вопросам безопасности, гражданской ответственности, лицензирования и управления радиоактивными материалами. Настоящая статья направлена на анализ особенностей и специфики терминологии в международном ядерном праве, включая рассмотрение проблем и коллизий между нормами национального и международного права, а также примеров, иллюстрирующих сложность терминологических расхождений. В работе рассмотрены международные соглашения (Венская конвенция 1963 года, Конвенция о ядерной безопасности 1994 года и др.), национальное законодательство ряда стран (США, Российской Федерации, Франции), а

также выявлены основные проблемные моменты, связанные с несоответствиями в правовых дефинициях и подходах к регулированию.

Ключевые слова. международное ядерное право, терминология, коллизии, гармонизация, Венская конвенция, национальное законодательство, ядерная безопасность, ядерный ущерб, гражданская ответственность, лицензирование, государственные гарантии

Annotation. The development of nuclear energy and the introduction of peaceful nuclear technologies in various fields (energy, medicine, agriculture, industry) increase the need for clear and uniform legal regulation encompassing both international and national aspects. One of the key factors in the effectiveness of such regulation is precise and harmonized terminology, which enables a unified approach to issues of safety, civil liability, licensing, and the management of radioactive materials. This article aims to analyze the features and specifics of terminology in international nuclear law, including an examination of problems and conflicts between national and international legal norms, as well as examples illustrating the complexity of terminological discrepancies. The study reviews international agreements (the 1963 Vienna Convention, the 1994 Convention on Nuclear Safety, among others), national legislation of several countries (the United States, the Russian Federation, France), and identifies the main problematic aspects related to inconsistencies in legal definitions and regulatory approaches.

Keywords. International nuclear, law, terminology, conflicts, harmonization vienna, convention national legislation, nuclear safety, nuclear damage, civil liability, licensing, state guarantees

В современном мире ядерные технологии находят всё более широкое применение в энергетике, медицине, промышленности, научных исследованиях и других сферах. Атомная энергетика, являясь мощным источником энергии, обеспечивает значительную часть электроснабжения во многих странах. Однако использование ядерных материалов и реакторов сопряжено с высокими рисками и потенциально катастрофическими последствиями в случае аварий. Поэтому формирование эффективного правового режима, охватывающего все аспекты ядерной деятельности, является одной из важнейших задач мирового сообщества.

Одним из ключевых факторов успешного правового регулирования в данной сфере является унифицированная терминология. Неточности и неоднозначности в определении базовых понятий могут приводить к разногласиям между государствами, осложнять процедуры лицензирования и контроля, создавать сложности при привлечении к ответственности за ядерный ущерб и нарушении норм безопасности. Более того, глобальный характер распространения радиоактивных материалов подразумевает,

что ядерное право должно преодолевать национальные границы, где терминологические расхождения часто имеют критическое значение.

Разработанные в рамках МАГАТЭ и других международных организаций соглашения (Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 года, Конвенция о ядерной безопасности 1994 года, Объединённая конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами 1997 года т.д.) [1] служат базисом международной кооперации. Однако их ратификация и имплементация в национальное законодательство сопровождаются ситуациями, в которых термины или их толкование не совпадают с национальными правовыми нормами. Данные коллизии порождают проблемы для оператора ядерных установок, государств и третьих лиц.

1. Истоки и принципы формирования международного ядерного права

1.1. Развитие атомной энергетики и становление правовой базы

Послевоенная эра ознаменовалась повышенным вниманием к исследованиям в области ядерной энергетики. Первые реакторы, предназначенные для выработки электроэнергии, начали строиться в 1950-х годах. Наиболее активно развивалась атомная энергетика в США, СССР, Великобритании и Франции. Несмотря на тот факт, что каждое государство формировало собственную правовую базу, необходимо было устанавливать общие принципы в сфере безопасности и ответственности. В результате начали появляться первые международные соглашения:

- Парижской конвенции об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии (1960 г.) [5], принятая в рамках ОЭСР, фокусировалась на европейском регионе;
- Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (1963 г.), разработанная под эгидой МАГАТЭ, имела более универсальный характер.

Одновременно с этим встал вопрос о необходимости выработки унифицированной терминологии. При обсуждении проектов конвенций многие государства сталкивались с тем, что термины, используемые в национальном праве, не всегда совпадали ни по смыслу, ни по объёму с предложениями на международном уровне. Например, понятия «ядерный инцидент» или «ядерный ущерб» в национальных правовых актах могли существенно отличаться по объёму от определений, которые предполагалось закрепить в Венской или Парижской конвенции. Терминология, закреплённая в соглашениях, должна была обеспечить единообразие интерпретации этих целей во всех государствах-участниках. Однако различия в правовых традициях, языках и подходах к формулированию понятий порой приводили к коллизиям, которые необходимо было преодолевать специальными

протоколами и соглашениями.

1.2. Влияние МАГАТЭ на формирование терминологии

Существенную роль в разработке и уточнении терминов международного ядерного права играет Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Начиная с момента своего создания в 1957 году, эта организация стала основным форумом для обсуждения технических и правовых аспектов использования ядерной энергии, разработки стандартов безопасности и подготовки рекомендаций по правовой регламентации. В рамках МАГАТЭ выпускаются различные руководящие документы (Safety Standards, Safety Guides и др.), в которых помимо технических норм содержатся подробные определения многих понятий.

Эти определения впоследствии используются при разработке международных соглашений. Однако они не всегда непосредственно переносятся в национальные законодательные акты – в ряде случаев государства предпочитают вводить собственные термины, отражающие их правовые традиции. Такое расхождение между «мягким правом» (soft law) МАГАТЭ и жёсткими нормами национальных законов может порождать коллизии в терминологическом поле.

2. Ключевые термины в международном ядерном праве и их коллизии с национальным законодательством

2.1. «Ядерная установка» и «ядерный инцидент»

Одними из центральных понятий во всех соглашениях, касающихся ядерного права, являются «ядерная установка» и «ядерный инцидент». В Венской конвенции (1963 г.) под «ядерной установкой» понимается любой реактор, предназначенный для производства ядерных материалов или выработки энергии, а также объекты, где обрабатываются, перерабатываются или хранятся ядерные материалы [1]. Однако в национальных законах ряда стран (например, в законодательстве США) под термин «installation» могут попадать также исследовательские реакторы, иные экспериментальные установки, в то время как законодательство других государств (России или Франции) может включать в это определение особенности лицензирования и конкретные технические нормы [2] [3] [4].

Примером коллизии может служить ситуация, когда объект для длительного хранения отработанного ядерного топлива формально не подпадает под определение «ядерная установка» в национальном праве, но в соответствии с Венской конвенцией он должен рассматриваться как часть инфраструктуры, несущей потенциальные риски. Это создаёт неопределённость в вопросах ответственности за ущерб, возникший из-за аварии на таком объекте.

Понятие «ядерного инцидента» (nuclear incident) также варьируется. В Price–Anderson Act (США) оно включает любые

события, приводящие к возникновению ущерба, связанного с радиацией или выходом из-под контроля ядерных материалов, и подлежит правовой оценке с учётом лимитов ответственности [2]. В российском законодательстве термин «радиационная авария» и «ядерный инцидент» могут использоваться как взаимозаменяемые, однако трактоваться по-разному в различных нормативных актах. Для международного права чёткая дефиниция «ядерный инцидент» (ст. I Венской конвенции) является принципиальной, так как именно с момента признания события «ядерным инцидентом» запускается механизм гражданской ответственности оператора.

2.2. «Ядерный ущерб» и «радиационный ущерб»

Венская конвенция (1963 г.) предоставляет определение «ядерного ущерба», включающего смерть, вред жизни и здоровью, имущественный вред, а также другие виды ущерба, если они специально предусмотрены национальным законодательством или международными договорами. Однако на практике при имплементации этого термина государства могут ограничивать перечень возмещаемых видов вреда, исключая, к примеру, «моральный вред» или «экологические потери».

Возникают коллизии, когда произошло событие, выходящее за рамки «традиционного» понимания ядерного ущерба. Например, после аварии на АЭС «Фукусима-1» часть исков касалась утраченных экономических возможностей (упущенной выгоды) для предприятий, которые находились за пределами зоны эвакуации, но всё же пострадали из-за репутационных и экономических последствий [6]. Национальное законодательство Японии признавало некоторые формы экономического ущерба, в то время как международные соглашения напрямую не регламентируют вопрос упущенной выгоды. Это создаёт конфликты в терминах и объёме компенсации.

2.3. «Абсолютная ответственность» и её пределы

Другим важным термином является «абсолютная ответственность», означающая, что оператор несёт ответственность вне зависимости от наличия или отсутствия его вины. Такой принцип закреплён в Венской конвенции, Парижской конвенции и большинстве национальных ядерных законов. Однако формулировки об исключениях из строгой ответственности (форс-мажор, военные действия, умышленное действие третьих лиц) могут различаться. В одних странах государство может взять на себя расходы, если авария вызвана стихийным бедствием исключительной силы; в других – оператор остаётся ответственным во всех случаях, кроме разве что прямых военных действий.

Коллизия может возникнуть, когда международное соглашение декларирует одну форму исключений (например, в

случае терроризма), а национальный закон предлагает другой подход. Это создаёт правовую неопределённость: например, если атака террористов на ядерную установку в одной стране по международному праву исключает ответственность оператора, но по национальному законодательству – нет.

2.4. «Оператор ядерной установки» и «государство» как субъекты ответственности

Термин «оператор» в международном праве зачастую рассматривается как лицо, обладающее лицензией на эксплуатацию ядерной установки. В России же очень часто оператором выступают государственные корпорации или подконтрольные им компании (например, концерн «Росэнергоатом» в структуре «Росатома»). Во Франции большинство АЭС эксплуатируется компанией Électricité de France (EDF), которая хотя и является публичным акционерным обществом, но с преобладающим участием государства. Это вызывает расхождения в том, как именно трактовать «оператора» и «государство» в случае аварии.

В Венской конвенции (ст. II, III) устанавливается, что ответственность несёт именно оператор, однако государство может выступать гарантом при недостаточности страховых сумм. Если же национальное законодательство предполагает, что сама АЭС принадлежит государству, возникает дискуссия: несёт ли государство прямую или субсидиарную ответственность наравне с оператором? В некоторых случаях (как в ряде развивающихся стран) эта коллизия усугубляется отсутствием чётких положений о разграничении полномочий государственных структур и корпораций.

3. **Примеры национального законодательства: терминологические расхождения**

3.1. США: Price–Anderson Act и определения «nuclear incident» и «public liability»

Закон США Price–Anderson Act (1957 г.) предоставляет детальные определения, связанные с ядерной ответственностью. Термин nuclear incident охватывает любой инцидент, вызывающий «public liability» (общественно-правовую ответственность), связанную с ядерными материалами или облучением. При этом public liability не во всех случаях соотносится с «ядерным ущербом», определённым Венской конвенцией. В национальном праве США могут включаться некоторые аспекты гражданско-правовой защиты, которые выходят за рамки принятых международных соглашений, в частности регулирование отношений между оператором и федеральным правительством в сфере страхования.

Коллизия проявляется, когда американская компания – оператор АЭС – взаимодействует с международными поставщиками оборудования или материалов, которые опираются на дефиниции Венской или Парижской конвенции.

Вопрос о том, какое именно событие считать «ядерным инцидентом», способным запускать механизм Price–Anderson Act, может трактоваться иначе, чем аналогичное понятие в европейском или российском законодательстве.

3.2. Российская Федерация: Федеральный закон РФ «Об использовании атомной энергии» № 170-ФЗ от 21.11.1995г.

В России базовые термины закреплены в Федеральном законе «Об использовании атомной энергии» № 170-ФЗ (1995), где даётся определение объекта использования атомной энергии, радиационной безопасности, оператора.

Однако эти законы не всегда прямо воспроизводят терминологию Венской конвенции. Например, в российском праве понятие «ядерная установка» иногда толкуется шире или уже, чем в международных документах, а «радиационная авария» может включать различные по характеру происшествия, не всегда приравненные к «ядерному инциденту». Если речь идёт о трансграничном воздействии (например, радиоактивный выброс, затрагивающий сопредельное государство), тогда встаёт вопрос: как согласовать национальные понятия с международной трактовкой, чтобы определить механизм компенсации?

3.3. Франция: Code de l’environnement и ядерное право

Во Франции правовое регулирование в сфере ядерной энергетики во многом базируется на Парижской конвенции [8], однако параллельно действует национальный Code de l’environnement (Livre V, Titre IX) [4], закрепляющий правила эксплуатации ядерных установок и ответственности операторов. Термин «installation nucléaire de base» (INB) включает АЭС, исследовательские реакторы, сооружения по переработке радиоактивных отходов. При этом определение «инцидента» или «аварии» может ссылаться на уровни классификации INES (Международная шкала ядерных событий), рекомендованной МАГАТЭ, – но этот порядок не всегда согласуется с терминологией Венской конвенции, которая не содержит упоминаний о шкале INES.

Также французские акты могут признавать некоторые виды экономического и экологического ущерба, которые Парижская или Венская конвенции не оговаривают прямо. Это создаёт потенциал для коллизий при рассмотрении исков, особенно если оператор – иностранная компания, а инцидент происходит на французской территории или затрагивает её население.

4. Международные соглашения и проблемы коллизий между национальным и международным правом

4.1. Взаимодействие Венской и Парижской конвенций, Совместный протокол протокол

Для уменьшения коллизий между двумя ключевыми режимами – Венским (под эгидой МАГАТЭ) и Парижским (под эгидой ОЭСР) – в 1988 году был подписан Совместный протокол

[7]. Он устанавливает правила, по которым страны, участвующие в разных режимах, могут согласованно рассматривать случаи ответственности при трансграничных ядерных авариях. Этот шаг существенно снизил риск терминологических разногласий, однако полностью их не устранил.

Коллизии остаются, так как многие государства не ратифицировали Объединённый протокол или не до конца имплементировали его положения в национальное законодательство. А при отсутствии унификации ключевых терминов каждая сторона может по-своему толковать объём ответственности и определение «ядерного ущерба».

4.2. Конвенция о дополнительном возмещении (CSC) и её терминология

Конвенция о дополнительном возмещении за ядерный ущерб (CSC, 1997) [8] призвана создать дополнительный фонд компенсации сверх национальных лимитов. Для этого CSC использует термины, сходные с Венской и Парижской конвенциями, но часть формулировок специально модифицирована, чтобы охватить страны, не участвующие ни в одном из конвенционных режимов. В итоге у государств, не ратифицировавших Венскую или Парижскую конвенцию, возникает потребность корректировать собственное законодательство под стандарты CSC. При этом могут появляться расхождения в определениях «оператора», «ядерного инцидента», «лимита ответственности».

4.3. Проблема двусторонних соглашений и локальных коллизий

Некоторые государства подписывают специальные двусторонние соглашения в сфере ядерного сотрудничества, особенно при строительстве АЭС или поставках ядерного топлива. В таких соглашениях может содержаться собственная терминология, отличная от международно установленной. Коллизии возникают, когда договоры пытаются установить «особые» определения «ядерной установки» или «ответственного оператора», не согласованные с общими конвенциями.

Если двустороннее соглашение не содержит чёткого механизма разрешения терминологических противоречий в случае аварии, это может привести к юридическому тупику и затяжным спорам, поскольку каждая сторона будет ссылаться на свою версию толкования ключевых понятий.

5. Проблемы терминологической коллизии и их последствия

5.1. Затруднения в лицензировании и контроле

Различия в терминах «оператор», «лицензиат», «ядерная установка» порой создают ситуации, когда компания, получившая лицензию в своей стране на эксплуатацию реактора определённого типа, при экспорте технологии

сталкивается с тем, что в государстве-покупателе данный реактор формально не подходит под категорию «ядерной установки» для конкретных процедур лицензирования. Это усложняет согласование технических регламентов, сертификацию безопасности и может приводить к двойным стандартам в оценке рисков.

5.2. Неоднозначность при возмещении ущерба

Если «ядерный ущерб» или «радиационная авария» трактуется по-разному, пострадавшие лица могут столкнуться с отказом в компенсации, а операторы – с неопределённостью в вопросе лимита ответственности. С одной стороны, международные конвенции (Венская, Парижская) должны обеспечить единый подход, но национальные законы могут либо расширять, либо, наоборот, сужать понятие ущерба. На практике это приводит к невозможности быстрого достижения согласия по вопросам выплат между компанией-оператором, государственными органами и страховщиками.

5.3. Юрисдикционные конфликты при трансграничных авариях

При авариях, затрагивающих несколько стран, встаёт вопрос: в какой юрисдикции рассматривать иски, как определить объём нанесённого ущерба? Если терминология в одной стране предполагает компенсацию экологического вреда, а в другой – нет, появляется коллизия, которую не всегда удаётся разрешить в рамках одного судебного процесса.

5.4. Осложнения в применении soft law МАГАТЭ

Руководящие документы МАГАТЭ (например, стандарты безопасности, указания по реакторному дизайну) содержат терминологию, которая не обязательно имеет прямую юридическую силу. Однако они оказывают практическое влияние на государственные регуляторы при согласовании проектов, выдаче лицензий и формировании норм безопасности. Если национальный законодатель не принял официально эти руководства, возникает несоответствие между «международно признанной» терминологией и внутренними правовыми актами, что создаёт дополнительные коллизии.

6. Пути преодоления коллизий и унификации терминологии

6.1. Усиление роли МАГАТЭ в терминологической гармонизации

МАГАТЭ могло бы развивать более детальные рекомендательные документы, согласованные с основными конвенциями (Венской, Парижской, CSC), где бы давались подробные глоссарии ключевых понятий. Страны, ратифицировавшие конвенции, могли бы обязаться принимать эти руководства в качестве справочного стандарта. Это стимулировало бы государств-участников вносить соответствующие изменения в национальную терминологию.

6.2. Регулярные пересмотры международных соглашений

Венская конвенция 1963 года подвергалась ревизии (Протокол 1997 г.), но процесс ратификации новых редакций идёт медленно. Если бы государства-участники чаще собирались на конференции, посвящённые обзору и обновлению терминологии (аналогично тому, как происходит в сфере морского права), то вероятность устранения коллизий повысилась бы. Дополнительно можно было бы создать межправительственный совет, координирующий перевод и толкование терминов на разные языки.

6.3. Создание единого международного словаря (dictionary) по ядерному праву

Ещё одной мерой гармонизации могло бы стать составление международного словаря (dictionary) по ядерному праву, отражающего официальные термины на основных языках ООН (английском, русском, французском, испанском, китайском, арабском). Этот словарь мог бы иметь статус приложения к главным соглашениям и служить обязательным инструментом для интерпретации норм. Подобный подход используется в некоторых областях торгового права (например, Инкотермс), что снижает риск недопонимания.

6.4. Механизмы медиации и арбитража при коллизиях

При возникновении споров о том, как толковать ту или иную норму, целесообразно использовать международный арбитраж или специальные механизмы при МАГАТЭ, где лингвистические эксперты и юристы в сфере ядерного права могли бы выступать посредниками. Такая процедура была бы особенно полезна при трансграничных авариях, когда задействованы разные национальные юрисдикции.

6.5. Обязательное согласование терминов в двусторонних соглашениях

Государства, заключающие двусторонние договоры о строительстве АЭС, поставках ядерного топлива или научно-техническом сотрудничестве, должны включать в договоры приложение с глоссарием терминов, согласованных обеими сторонами и не противоречащих международным конвенциям. Это могло бы предотвратить многие конфликты при толковании условий или при возникновении аварийных ситуаций.

7. Рекомендации для национальных законодателей и операторов

Аудит национальных терминов. Провести сравнительный анализ национальных актов с текстами Венской, Парижской конвенций и других профильных соглашений, выявить несоответствия и предложить поправки, снижающие риск коллизий.

Обязательная ссылка на международные соглашения. Включить прямые указания на соответствующие статьи Венской или Парижской конвенций (CSC, Совместный протокол), чтобы суды могли при рассмотрении споров

опираться на международные стандарты.

Учёт рекомендаций МАГАТЭ. При разработке новых нормативных актов целесообразно использовать глоссарии и стандарты, предлагаемые МАГАТЭ, интегрируя их в национальное право.

Обучение кадров. Регуляторы, судьи, прокуроры и юристы операторов должны проходить курсы или семинары по международному ядерному праву, чтобы понимать специфику терминологии.

Страхование и перестрахование. Участие в международных страховых пулах может потребовать унификации определений «ядерного ущерба», «оператора», «инцидента», так как страховщики опираются на единообразные формулы при оценке рисков.

8. Перспективы развития терминологии в контексте новых технологий

С развитием инновационных ядерных технологий (малые модульные реакторы, реакторы на быстрых нейтронах, управляемый термоядерный синтез и др.) терминологический аппарат продолжает усложняться. Например, в рамках проектов по термоядерному реактору (ITER) встаёт вопрос: считать ли установку, находящуюся в процессе строительства и тестовых запусков, полноценной «ядерной установкой» в смысле Венской конвенции? Появляются новые типы материалов и топлива (например, ториевые реакторы), для которых требуется уточнение терминов и классификаций.

Если терминология не будет адаптирована к этим инновациям, то проблемы коллизий лишь усугубятся. Следовательно, международные организации и государства должны постоянно обновлять правовые акты, согласовывая термины с учётом новых технологических реалий, чтобы не отстать от научно-технического прогресса.

9. Заключение

Анализ особенностей и специфики терминологии в международном ядерном праве показывает, что эта область права является одной из самых сложных для правотворчества и правоприменения. Высокая технологическая насыщенность ядерной отрасли, многообразие национальных правовых традиций и глобальный характер потенциальных аварий создают условия, при которых терминологические разногласия могут приводить к существенным коллизиям между нормами национального и международного права. Ключевые проблемы связаны с несовпадением дефиниций «ядерной установки», «оператора», «ядерного ущерба», «инцидента», а также тонкостей строгой ответственности и исключений из неё.

Международные соглашения (Венская, Парижская конвенции, CSC) и деятельность МАГАТЭ (разработка стандартов безопасности, выпуск руководящих документов) ставят цель унифицировать эти термины. Однако многие

государства недостаточно активно имплементируют международные нормы, что порождает локальные коллизии, особенно при трансграничном характере аварии или при экспорте/импорте технологий.

Для успешного преодоления терминологических противоречий необходимо комплексное взаимодействие на международном уровне: более частые пересмотры конвенций, создание единого глоссария, усиление роли МАГАТЭ, внедрение механизмов арбитража и медиации. На национальном уровне важно, чтобы законодатели и регуляторы при принятии актов, регулирующих ядерную деятельность, учитывали специфику международных соглашений и согласованность терминов. Без этого невозможно обеспечить эффективное и единообразное правоприменение в ядерной сфере, а значит, и должный уровень безопасности и защиты пострадавших в случае инцидентов.

Список использованной литературы

1. **МАГАТЭ.** Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (1963).

Конвенция о ядерной безопасности (1994)

Объединённая конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом (1997)

2. Закон США об атомной энергии 1954 года . U.S. Congress. Price–Anderson Nuclear Industries Indemnity Act (42 U.S.C. § 2210). Washington, D.C., 1957 (with subsequent amendments)

3. Федеральный закон РФ «Об использовании атомной энергии» № 170-ФЗ от 21.11.1995г. .

4. Code de l'environnement. Livre V, Titre IX: Responsabilité civile dans le domaine nucléaire. Édition Dalloz, 2021.

5. **OECD/NEA**. Парижская конвенция об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии (1960 г.).

6. Nuclear Damage Compensation Facilitation Corporation Act

OECD. Japan's compensation system for nuclear damage. As related to the TEPCO Fukushima Daiichi Nuclear Accident .

7. МАГАТЭ. Совместный протокол о применении Венской и Парижской конвенции.

8. МАГАТЭ. Конвенция о дополнительном возмещении за ядерный ущерб (CSC), 1997.